

Д.А. Мамонтова*

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ПРАКТИКЕ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1920-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2022-4-2
УДК 94:343.8(571.1)"1920"*Выходные данные для цитирования:**Мамонтова Д.А. Принудительный труд в практике исполнения наказаний в Западной Сибири 1920-х годов // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 22–31. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-02.pdf>*

D.A. Mamontova*

**FORCED LABOR IN THE PRACTICE OF ENFORCING
THE SENTENCES IN WEST SIBERIA IN THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-2

*How to cite:**Mamontova D.A. Forced Labor in the Practice of Enforcing the Sentences in West Siberia in the 1920s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 22–31. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-02.pdf>]*

Abstract. The paper is devoted to the study of the forced labor of the prisoners in the 1920s. The idea of the correction of the criminals by the labor involvement was crucial for the Soviet penal policy. Until 1924 it was regulated by legislative documents such as the decree of VTsIK, dated 17 May 1919, “On the forced labor camps” and the decree of the RSFSR People’s Commissariat for Justice, dated 15 November 1920, “The Regulations on general detention places”. In 1924 the Corrective-Labor Code of 1924 became the fundamental document in this sphere. All articles devoted to the labor were based on the articles of the Labor Code of 1922. It implied there was the legal support of the labor of the prisoners and those who were sentenced to the forced labor without detention. Based on the paperwork of the places of detention of West Siberia (Novonikolaevsk/Novosibirsk, Barnaul, Biysk, Omsk) the author analyzes the possibilities of the realization of the legal foundations of the forced labor organization in practice. Study shows that the conditions of the places of detention (material security, number of the employees, overpopulation in prisons) prevented them from full compliance with requirement relating to the labor of this part of the population. Furthermore the forced labor served as the mean for “normalization” of the work of these places of detention (elimination of the overpopulation in prisons and the lack of money) in the first place, not for correction. Despite all difficulties of the attempts of the realization of this idea of using and stimulation of the labor of the prisoners, it continued to exist in the 1930s – 1940s (on a reduced scale) even after the tightening of the Soviet penal policy’s foundations.

Keywords: sphere of labor, penal policy, forced labor, the Corrective-Labor Code of 1924, West Siberia.

The article has been received by the editor on 27.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению принудительного труда заключенных в 1920-х гг. Для советской пенитенциарной политики ключевой стала идея исправления преступников путем привлечения их к трудовой деятельности, которая регламентировалась в законодательно-нормативных актах. До 1924 г. это были декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. и Постановление Наркомата юстиции

* **Дарья Андреевна Мамонтова**, студент-магистрант, Новосибирский государственный университет; лаборант, научно-образовательный центр «Наследие» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия, e-mail: darya.mamontova_1998@mail.ru

Darya Andreevna Mamontova, Master’s Student, Novosibirsk State University; Laboratory Assistant, Research and Educational Center “Heritage” of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: darya.mamontova_1998@mail.ru

РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г. В 1924 г. основополагающим документом в этой области стал принятый Исправительно-трудовой кодекс. Все статьи в нем, посвященные труду, основывались на положениях Кодекса законов о труде 1922 г., что в теории предполагало правовое обеспечение труда заключенных и осужденных к принудительным работам без содержания под стражей. На материалах делопроизводства мест заключения Западной Сибири (новониколаевских/новосибирских, барнаульском, бийском, омском) автор исследует, насколько правовые основы организации принудительного труда могли быть реализованы на практике. Исследование показывает, что состояние мест лишения свободы (материальная обеспеченность, количество персонала, переполненность) не позволяло в полной мере выполнять требования, предъявляемые к труду данной группы населения. Более того, труд в первую очередь выполнял функцию «нормализации» деятельности данных пенитенциарных учреждений (устранение переполненности и нехватки средств), нежели исправительную. Несмотря на возникающие трудности при попытках реализации идей применения и стимулирования труда заключенных в 1920-х гг., они продолжили свое существование в 1930–1940-х гг. (в ограниченных масштабах) после ужесточения основ советской пенитенциарной политики.

Ключевые слова: сфера труда, пенитенциарная политика, принудительный труд, Исправительно-трудовой кодекс 1924 г., Западная Сибирь.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022

Труд в раннесоветском государстве рассматривался как важнейшая основа его существования и требовал соответствующей кодификации. Конституция РСФСР 1918 г. объявляла труд обязательным для всего населения страны, провозглашая лозунг: «Не трудящийся да не ест» (ст. 18)¹. Однако в силу своего всеобъемлющего характера труд требовал учета его дифференциации и в ряде случаев особых форм его реализации в экстремальных условиях Гражданской войны. Так, в принятом в том же году первом советском Кодексе законов о труде (КЗоТ), помимо общих принципов правовой регламентации, произошла легализация и регламентация принудительного труда, провозглашена всеобщая трудовая повинность².

В 1922 г. был разработан и принят принципиально новый в своей основе КЗоТ, просуществовавший в данной редакции с некоторыми внесенными в него изменениями вплоть до 1971 г. Работы, предоставляемые населению РСФСР, обозначались как «вольнонаемные» (ст. 5)³, что являлось принципиальным отличием от первого КЗоТа. Всеобщая трудовая повинность, будучи отмененной, наряду с милитаризацией труда уже исчезла из Кодекса. Более сложным оказалось решение проблемы правовой определенности с трудом принудительным, который сохранил свой статус особенного, специфического, но практикуемого в СССР в отношении заключенных. В существующей профессиональной литературе данная проблематика носит фрагментарный характер. Историки пенитенциарной политики рассматривают прежде всего практические аспекты применения принудительного труда, для правоведов важна регламентация правовых основ принуждения к труду. В данной публикации ставится задача рассмотреть факторы и тенденции формирования в новых условиях того направления, которое обозначилось как «исправительно-трудовая политика» в 1920-е гг. в соединении обоих аспектов на региональном сибирском уровне.

¹ Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 16.04.2022).

² Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 4. С. 1030.

³ Кодекс законов о труде 1922 г. // Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001. С. 344.

Идея труда как средства исправления преступников стала ключевой для советской пенитенциарной политики. Но хотя мысль об исправительно-трудовом воздействии на заключенных крайне активно продвигалась в практику учеными-пенитенциаристами в 1920-х – начале 1930-х гг.⁴, она не являлась изобретением советского периода.

В Уголовном Уложении 1903 г. среди видов наказаний фигурировали каторжные работы⁵, т.е. принудительный труд, который таким образом переходил в практическую плоскость уже в позднеимперский период. Позднее, в 1915 г., привлечение заключенных к работам упоминалось в последнем нормативном акте имперской России, касающемся пенитенциарной политики, – Общей тюремной инструкции. Среди целей организации работ при местах заключения обозначились следующие: 1) отвлечение осужденных от праздности; 2) приучение их к труду; 3) обучение полезным ремеслам; 4) предоставление заработка⁶.

В годы Гражданской войны требования исправительно-трудового воздействия на заключенных также фиксировались в законодательно-нормативных актах. К ним относились декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 г. (ст. 31)⁷ и Постановление Наркомата юстиции (НКЮ) РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 г. (ст. 111)⁸. Во втором документе обозначалась привязка к конституционной норме в виде пояснения, что труд является обязательным «для каждого гражданина РСФСР», в том числе и для заключенных.

В 1924 г. на второй сессии ВЦИК XI созыва был принят Исправительно-трудовой кодекс (ИТК) РСФСР, подводивший не только итог опыта уголовно-исполнительной политики в первые годы нэпа, но и ставивший существующую практику на правовую основу. Тем не менее уже на том раннем этапе действие Кодекса распространялось на пенитенциарные учреждения в системе Главного управления мест заключения (ГУМЗ НКВД РСФСР), в то время как лагерно-тюремная система ОГПУ находилась вне его применения.

Особое внимание в ИТК 1924 г. привлекали вопросы средств исправления преступников, среди которых выделялись проведение культурно-образовательных мероприятий и организация трудовой деятельности. Построение рабочего процесса как самих заключенных, так и осужденных к принудительным работам без содержания под стражей основывалось на статьях КЗоТа (ст. 29, 57)⁹. По нему регламентировалась продолжительность рабочего дня и условия применения сверхурочных работ¹⁰. Труд провозглашался обязательным для всех способных к нему заключенных (ст. 52). Работы делились на внутренние, проводившиеся в пределах места заключения, и внешние, осуществлявшиеся вне его, которые, в свою очередь, делились на хозяйственные и производственные (ст. 60).

Особое место в ИТК 1924 г. отводилось организации принудительных работ без содержания под стражей. Так же как и труд в пенитенциарных учреждениях, его условия основывались на статьях КЗоТа (ст. 29), однако с большим распространением на осужденных к этому виду работ норм трудового права¹¹. Например, им полагался двухнедельный отпуск один раз в году (при непрерывной работе не менее 5½ месяцев) (ст. 37), а также отпуска по болезни и материнству (ст. 38).

⁴ См., например: *Ширвиндт Е., Утевский Б.* Советское пенитенциарное право. М., 1927. С. 24, 26; *Утевский Б.С.* Как советская власть исправляет преступников. М., 1930. С. 15–16.

⁵ *Бердинских В.А., Веремьев В.И.* Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. С. 14.

⁶ *Упоров И.В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/revolyutsionnoe-dvijenie-politicheskij-43847.html> (дата обращения: 16.04.2022).

⁷ Декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ» от 17.05.1919 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_458.htm (дата обращения: 16.04.2022).

⁸ Здесь и далее: Постановление НКЮ РСФСР «Положение об общих местах заключения РСФСР» от 15.11.1920 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_772.htm (дата обращения: 16.04.2022).

⁹ Здесь и далее: Исправительно-трудовой кодекс 1924 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 16.04.2022).

¹⁰ *Красильников С.А.* Между правом и наказанием... С. 1032.

¹¹ Там же. С. 1033.

Первый советский Исправительно-трудовой кодекс основывался на соединении его установок с положениями КЗоТа, что в последующем «размывалось» и уходило из правоприменительной практики мест заключения.

Один из ведущих советских пенитенциаристов Б.С. Утевский в изданной в 1930 г. работе «Как советская власть исправляет преступников» утверждал, что советское государство не допускает подневольного, каторжного, мучительного и унижительного труда даже в месте заключения¹². По его мнению, такой подход к труду являлся одним из главных отличий от дореволюционной и зарубежной пенитенциарных систем¹³. Однако где проходит граница между трудом обязательным и трудом принудительным? Сам Утевский разницу между этими понятиями видел в правовом обеспечении труда в пенитенциарных учреждениях. В советских местах лишения свободы труд заключенных, по его утверждению, строго охранялся трудовым законодательством¹⁴.

Возьмем данное утверждение специалиста за точку отсчета в попытках разобраться, насколько доктринальные установки советской власти совпадали с реальными возможностями организации труда в местах заключения. Мы полагаем, что условия мест заключения в 1920-е гг. (нехватка средств, переполненность, несоответствие кадров предъявленным требованиям и их текучесть и пр.) не позволяли построить рабочий процесс в соответствии с законодательством, т.е. нарушались принципы обязательности и правовой обеспеченности труда заключенных.

Для дальнейшего конкретно-исторического анализа следует иметь в виду, что судебные репрессии (приговоры) подразумевали два основных вида исполнения наказаний: помимо заключения на сроки в места лишения свободы существовали наказания без содержания под стражей, на которые также распространялся принцип принудительных работ, которые иногда назывались также обязательными работами. Такого же рода практика распространялась и на тех, кто наказывался во внесудебном, административном порядке. Указанные выше меры применялись в отношении лиц, которые совершили неопасные преступления и приговаривались на сроки заключения от месяца до года¹⁵. Кроме того, данный вид наказания имел под собой и прагматический аспект, применяясь, в том числе, для снижения нагрузки на места заключения и, соответственно, для сокращения расходов на их содержание. Такая необходимость диктовалась снятием мест лишения свободы с государственного обеспечения с 1922 г.¹⁶, что существенно сокращало сметы расходов.

Несмотря на гипотетическую выгоду данного вида наказания, его исполнение на практике было связано с различными трудностями. В 1920-х гг. в стране не было условий для организации такого рода работ¹⁷.

Во-первых, из-за нехватки рабочих мест создавалась конкуренция между судимым и несудимым населением. Работодателям приходилось в первую очередь давать работу именно осужденным судами, чтобы не обращать наказание в фикцию¹⁸. Во-вторых, существовали явные проблемы в организации данного вида работ, среди которых можно выделить неявку подсудимых. Так, на 1 января 1923 г. 43,7 % осужденных не явились на обязательные работы¹⁹.

В качестве попыток решения данных затруднений деятелями юстиции в качестве предложений выдвигались идеи отправки осужденных на вредные и неприятные работы²⁰ или передача их на учет органов ГУМЗ, а не Наркомата труда²¹, с целью ликвидации

¹² Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников... С. 20.

¹³ Там же; Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право... С. 157.

¹⁴ Утевский Б.С. Как советская власть исправляет преступников... С. 15.

¹⁵ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1032.

¹⁶ С 1925 г. места заключения стали переходить обратно на госбюджет.

¹⁷ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1039.

¹⁸ Еженедельник советской юстиции. 1922. № 36. С. 13.

¹⁹ Там же. 1923. № 13. С. 294.

²⁰ Там же. 1922. № 36. С. 13.

²¹ Там же. 1923. № 6. С. 126.

конкуренции. Тем не менее данных о реализации этих предложений, по крайней мере на страницах «Еженедельника советской юстиции», не было.

В 1927 г. в «Еженедельнике советской юстиции» вышла статья, в которой проводился анализ статистики исполнения принудительных работ в Москве в 1925 г. (5565 дел) и 1926 г. (6 тыс. дел). Исследование показало, что исполнение наказания осуществилось только для 54,3 % приговоров, а в остальных случаях осужденные получили замену работ штрафами, освобождением по болезни, амнистией и другим из-за отсутствия достаточного количества мест для работ²².

Такая же ситуация наблюдалась в Сибирском регионе. В 1927 г. в акте о состоянии и деятельности Барнаульского исправительно-трудового дома (исправтруддома) отмечалось, что из 614 человек, приговоренных к принудительным работам без содержания под стражей, только 29 фактически отбывали наказание (4,72 %)²³.

В 1928 г. вопрос о принудительных работах становится одним из приоритетных на страницах «Еженедельника советской юстиции». Дебаты о них начались еще в 1927 г., когда была озвучена мысль о возможности использования труда преступников безвозмездно²⁴. Однако в 1928 г. центром обсуждения становится принятое 26 марта постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладом НКЮ и НКВД о карательной политике и состоянии мест заключения. В нем утверждались три основных принципа принудительных работ: 1) бесплатность; 2) хозяйственная выгодность; 3) реальность репрессии. Платность допускалась лишь для лиц, отбывающих наказание без лишения свободы по месту службы, либо по особому определению суда для лиц, не имеющих средств к существованию, но не более госминимума данной местности²⁵.

Подобное изменение основ организации работ осужденных не могло остаться незамеченным в регионах страны. В местной сибирской газете «Советская Сибирь» в 1928 г. часть сообщений, посвященных пенитенциарной политике и в частности трудовой деятельности данного контингента населения, отводилась публикациям информации о нормативных документах и разъяснений к ним. К таковым следует отнести постановление СНК РСФСР о принудительных работах, в котором говорится о бесплатности работ тех, кто ранее по найму не работал²⁶, что расходится с документом, опубликованным в «Еженедельнике советской юстиции». Также объявлялось, что осужденные к принудительным работам без содержания под стражей должны являться на них со своим живым и мертвым инвентарем²⁷ (в сельской местности²⁸), что указывает на региональную специфику. Об этой сибирской сельской специфике свидетельствует и распоряжение Сибадмотдела об отсрочках по отбыванию наказания в форме принудительных работ трудовому крестьянству на все время полевых работ²⁹.

Кроме определенных черт, присущих Сибирскому региону, в данном случае необходимо отметить и несоответствие нововведений трудовому законодательству. В первую очередь это касалось заработной платы, которую осужденные на данный вид работ, согласно ИТК 1924 г., должны были получать (ст. 31). Во-вторых, вышеприведенная статистика, публикуемая в «Еженедельнике советской юстиции» и в делопроизводстве сибирских мест лишения свободы, доказывает, что требование обязательности труда для всех групп населения не выполнялось в связи с отсутствием на то подходящих условий.

Помимо работ, выполнявшихся без содержания под стражей, естественно, имелись те, что выполнялись непосредственно заключенными пенитенциарных учреждений. Часть этих

²² Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1039.

²³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 157. Л. 6 об.

²⁴ Еженедельник советской юстиции. М., 1927. № 34. С. 1051.

²⁵ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладом НКЮ и НКВД «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Там же. 1928. № 14. С. 418.

²⁶ Советская Сибирь. 1928. 15 мая.

²⁷ Там же. 7 апр.

²⁸ Там же. 15 мая.

²⁹ Там же. 13 мая.

работ была направлена преимущественно на поддержание жизнедеятельности самого места лишения свободы и проводилась внутри него. Такие работы делились на хозяйственные, т.е. направленные на удовлетворение повседневных нужд пенитенциарных учреждений, и производственные – в мастерских.

Таким же образом делились работы внешние. На них могли отправлять только заключенных высшего разряда³⁰ или тех, кто не подлежал строгой изоляции (ст. 123 Постановления НКЮ РСФСР, ст. 67 ИТК 1924 г.). Осужденные, отправляемые на данный вид работ, требовали сопровождения конвоем (ст. 124, ст. 68 соответственно) и как минимум одним надзирателем (ст. 124, ст. 69 соответственно), который следил за трудовым процессом.

Организация работ заключенных также не была лишена определенных трудностей. В «Еженедельнике советской юстиции» отмечалось, что они, как и осужденные на работы без содержания под стражей, составляли конкуренцию несудимой части населения. Такая ситуация происходила из-за того, что наниматели стремились взять на работу именно заключенных, поскольку им это было более выгодно (не нужно оплачивать страховые отчисления, вносить за них деньги на культурабиту и пр.). Очередное исходившее от пенитенциаристов предложение решения данного вопроса – отменить конкуренцию в те места работы, куда нанимаются вольнонаемные рабочие³¹ – так и осталось без последующей реализации.

Для поощрения заключенных, работающих особо продуктивно, в ИТК 1924 г. вводилась система зачета двух дней рабочих за три дня срока лишения свободы (ст. 52). На практике же данная мера применялась широко даже при выполнении самой простой работы³². Подобное нарушение положений ИТК 1924 г. следовало связать с проблемой переполненности мест заключения, а также с бедственным положением самих заключенных. Содержать заключенных было невыгодно, особенно когда их количество превышало норму³³.

Далее рассмотрим, как в региональных условиях Сибири решались проблемы организации труда заключенных, содержащихся в местах их изоляции.

Труд заключенных в местах лишения свободы Сибири был организован в соответствии с нормативно-правовыми актами, регламентирующими их деятельность. В первые годы советской власти в данном регионе в местах заключения наиболее распространенной практикой стало создание различных мастерских – в новониколаевском концентрационном лагере³⁴ и доме принудительных работ (Домпринраб)³⁵, в барнаульском месте лишения свободы³⁶, в омской тюрьме³⁷.

Анализ делопроизводственных документов показывает, что работа при пенитенциарных учреждениях протекала по-разному – в зависимости от условий, в которых они находились. Так, некоторые мастерские оказывались недостаточно оснащены необходимыми материалами, из-за чего они могли обеспечивать лишь нужды исключительно самого места заключения³⁸, в других же удавалось обеспечивать выполнение заказов, принимаемых от других ведомств³⁹.

³⁰ Все срочные заключенные делились на три разряда – начальный, средний и высший. При поступлении в место лишения свободы заключенные зачислялись в начальный разряд. Перевод в следующий разряд зависел от успехов заключенного в работах и занятиях, соблюдения или нарушения установленного режима. Заключенные, зачисленные в высший разряд, обладали некоторыми привилегиями – например, их камеры могли быть открыты в течение всего дня, их могли отправлять на внешние работы.

³¹ Еженедельник советской юстиции. 1925. № 19. С. 534; Там же. С. 534.

³² Там же. 1926. № 5. С. 137.

³³ Об этом же свидетельствует также применение в виде наказания принудительных работ без содержания под стражей, а также периодически проводимые амнистии и условно-досрочные освобождения.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1 об.

³⁵ Там же. Д. 27. Л. 3 об.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

³⁷ Там же. Д. 12. Л. 23.

³⁸ ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Д. 27. Л. 3 об.

³⁹ ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 12. Л. 23 об.

Распространялась практика выполнения внутренних хозяйственных работ, дававших потенциал самообеспечения. В частности, при ряде пенитенциарных учреждений были организованы собственные огороды, например, в Барнаульском и Бийском⁴⁰, где выращивали различные культуры (пшеницу, овес, картофель, викторию). Выполнялись и другие работы – рубка дров, оборудование барачков, заготовка сена для скота⁴¹. Такого рода внутренние работы считались бесплатными. Однако, согласно акту «О вознаграждении содержащихся в местах лишения свободы», некоторые виды хозяйственных работ, требующих специальных навыков (например пекарство), должны были оплачиваться в соответствии с низшими ставками, утвержденными Отделом труда⁴². В таком случае можно предположить, что и часть работ по оборудованию барачков, требовавшая специальных навыков, скорее всего, также подразумевала оплату, но, вероятно, на этом администрация средства сэкономила.

Еще одной проблемой организации работ заключенных являлось их отсутствие (даже внутри самих мест лишения свободы!). Об этом свидетельствуют заявочные ведомости на требование продуктов для довольствия заключенных в новониколаевских исправтруддомах за октябрь 1923 г., январь–май 1924 г.⁴³ (рис. 1–3).

Данные показывают, что в исправтруддомах № 1, 2 на фоне практически регулярного увеличения числа заключенных количество человек, занятых на внутренних и хозяйственных работах, могло как расти, так и падать, но стабильно оставалось низким (от 12,5 до 46,2 %). Резкий рост занятости по женскому отделению исправтруддома произошел в январе 1924 г., тогда как в остальные месяцы уровень занятости женщин оставался примерно на одном уровне. Это может свидетельствовать о том, что труд женщин приспособить под условия мест заключения было проблематично.

Кроме привлечения заключенных к внутренним работам, последних отправляли и на внешние. До издания ИТК в 1924 г. также существовали ограничения, касающиеся категорий заключенных, которых можно было посылать на подобные работы. В «Положении о принудительном привлечении лиц, не занятых общественно-полезным трудом» отмечалось, что при выводе на внешние работы следовало разбираться, в чем обвиняется заключенный, а также предпринимать меры предосторожности против побега, осуществляя надзор за заключенными⁴⁴. Однако на практике встречались случаи, когда эти меры предосторожности нарушались. Так, в 1920 г. в концентрационном лагере Новониколаевска принималось решение об отправке на внешние работы пленных офицеров и поляков (на какие конкретно работы – не указывается), хотя на такие работы они могли быть назначены только по нарядам ЧК⁴⁵.

Отчеты, в которых приводилась информация о деятельности мест заключения, показывают, что заключенных отправляли на строительство железной дороги⁴⁶, на работы в хлебопекарню, на мельницу, на молочную ферму⁴⁷, т.е. преимущественно на работы в сферах сельского хозяйства и строительства. Можем ли мы утверждать, что на данных видах работы был недостаток работников из числа несудимого населения? Учитывая существовавшую ситуацию безработицы в стране – вряд ли. Данные об отправке на внешние работы заключенных, не соответствующих определенным характеристикам, скорее, свидетельствуют о действительном недостатке работ внутри мест лишения свободы, а также, возможно, о попытках их разгрузки⁴⁸.

⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об.

⁴¹ ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 1. Л. 28; Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 47, 19 об.

⁴² ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 13. Л. 94.

⁴³ Там же. Д. 81. Л. 7, 63, 97, 121, 131.

⁴⁴ Там же. Д. 1. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 4.

⁴⁶ ГАНО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об. – 31.

⁴⁷ Там же. Л. 35 об.

⁴⁸ В случаях затруднительного ежедневного возвращения заключенных с внешних работ на месте этих работ должны были организовываться помещения для их размещения.

После издания ИТК 1924 г. виды работ заключенных не претерпели каких-либо изменений. Осужденные по-прежнему выполняли хозяйственные и производственные работы как внутри мест лишения свободы, так и вне их.

На протяжении периода с 1925 по 1927/1928 г. продолжала существовать проблема недостатка видов и масштабов работ, к которым можно было бы привлечь заключенных. Например, в сведениях о работах в Новониколаевском исправтруддome № 2 за кварталный период октябрь–ноябрь и декабрь 1925/1926 г. указано, что за отчетный период 11 348 суток были заняты на работах всеми заключенными, из них: 1 443 суток – в мастерских (12,7 %), 2 008 – на внешних работах (17,6 %), 6 892 – на бесплатных хозяйственных работах (60,7 %) и 1 005 – на работах в канцелярии и культпросветработах (8,8 %). Платных хозяйственных работ за указанный период выполнено не было. При этом количество часов, не занятых работами, равнялось 16 059 суткам (58,5 %), из них 12 061 – из-за отсутствия работ (75,1 %)⁴⁹.

Также в сведениях о работах по местам заключения Новосибирского округа за 4-й квартал 1926/1927 г. (июль–сентябрь) и 1-й квартал 1927/1928 г. (октябрь–декабрь) отмечалось, что всего всеми заключенными было проведено 214 865 суток, из них: 54 054 было проведено на работах (25,1 %), без работы – 160 811 (74,8 %), при этом из-за отсутствия работ – всего 34 856 суток (21,6 %)⁵⁰.

О том, что в работах было задействовано недостаточное количество заключенных, и о попытках решения этого вопроса свидетельствует требование, высказанное в переписке с Сибирской краевой инспекцией мест заключения, о необходимости расширения как производственной деятельности, так и отправки на внешние работы с целью вовлечения большего числа заключенных в трудовую деятельность⁵¹.

К другим проблемам, которые имелись и до 1925 г., относилась невозможность функционирования рабочих частей мест заключения, как это требовалось по ИТК 1924 г., из-за отсутствия средств, необеспеченности мастерских помещений, нехватки специалистов. Несмотря на то, что в целом мастерские продолжали работать как на удовлетворение нужд самих мест заключения⁵², так и сотрудничали с различными госучреждениями, кооперативными организациями и частными лицами⁵³, появляются сведения о ликвидации некоторых цехов из-за убытков, невозможности обучения заключенных квалифицированным профессиям⁵⁴.

Еще одним видом работ заключенных, который не нашел отражения в статьях ИТК 1924 г., стал отпуск крестьян, лишенных свободы, на полевые работы по месту жительства. 25 апреля 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР своим постановлением ввели практику длительных отпусков (до трех месяцев). Впоследствии эта практика была пролонгирована на время полевых работ 1926 г. Однако затем эта процедура стала усложняться – ужесточались требования к отчетности о нахождении крестьян-заключенных на полевых работах, указывалось, что они не должны были в этот период делать «ничего предосудительного»⁵⁵. Такое ужесточение произошло из-за выявленных случаев, когда заключенные, отпускаемые на данный вид работ, на самом деле уже не имели ничего общего с сельским хозяйством и в этот период занимались преступной деятельностью. Также были крестьяне, которые не возвращались в места заключения по истечении срока полевых работ.

Эти особенности касались и Сибирского региона. В частности, в докладе о деятельности Новосибирского исправтруддома № 2 за первый квартал 1925/26 г. отмечалось девять случаев побега, из которых восемь пришлось на заключенных, не вернувшихся из 3-месячных отпусков на полевые работы⁵⁶. В одном из номеров газеты «Советская Сибирь»

⁴⁹ ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 87. Л. 94.

⁵⁰ Там же. Д. 89. Л. 90.

⁵¹ Там же. Д. 91. Л. 75.

⁵² См., например: ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 89. Л. 34.

⁵³ См., например: Там же. Л. 34, 35.

⁵⁴ Там же. Л. 34, 35; Д. 93. Л. 173.

⁵⁵ Красильников С.А. Между правом и наказанием... С. 1038.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 87. Л. 88 об.

упоминался случай, когда заключенный, отпущенный из исправтруддома на полевые работы, обворовал квартиру, в которой поселился, и скрылся⁵⁷.

Из приведенных выше документов и материалов складывается картина того, с какими сложностями и препятствиями сталкивались самые прогрессивные проекты раннесоветских пенитенциаристов. Нельзя не увидеть, что исправление трудом заключенных действительно выступало привлекательным в контексте не только гуманизации системы наказания, но и являлось частью более общего проекта создания новой общественной системы в СССР. Тем не менее очевидно, что даже оформленный в правовые установления труд в местах заключения или как мера наказания без лишения свободы не имел серьезного потенциала для своей реализации.

Несмотря на очевидные позитивные стимулы для заключенных (система так называемых зачетов, ускорявших сроки заключения), возможности отпусков на сельхозработы для заключенных крестьян и т.д., сфера исполнения наказаний, несмотря на постоянную динамику роста в стране осужденных в судебном и административном порядке, среди главных приоритетов власти не находилась. Ресурсы всех видов, от материальных, финансовых, кадровых и других, выделялись для этой сферы по остаточному принципу, создавая социальную напряженность в самих местах лишения свободы и вокруг них. Сами формы и каналы организации труда оказывались достаточно простыми, примитивными, нуждавшимися в качественном реформировании, а не в простом их воспроизводстве. Трудно говорить и о качестве самого принудительного труда, который по своей природе носил характер внеэкономического принуждения. Для руководителей самих мест заключения управленческие функции в сфере организации труда осужденных также требовали своего усложнения и могли восприниматься как дополнительное обременение, накладываемое требованиями ИТК 1924 г.

1920-е гг. для РСФСР характеризовались, с одной стороны, необходимостью восстановления экономики, разрушенной в ходе Гражданской войны, а с другой – отсутствием достаточных ресурсов для успешной реализации этого плана. В целом можно говорить, что советская пенитенциарная система переживала те же процессы. Имеющаяся идея исправления трудом преступников, для которых он должен был стать обязательным так же, как и для остальной части населения, на практике столкнулась с рядом сложностей. Состояние мест заключения (материальная необеспеченность, отсутствие необходимого персонала, переполненность тюрем) позволяло лишь частично выполнять требования, предъявляемые к организации трудовой деятельности. На первый план выходила необходимость снизить «нагрузку» с данных учреждений – приблизить население мест лишения свободы к количеству штатных мест, устранить нехватку денег на их содержание. Для осуществления цели в ход шли любые средства – отправка на внешние работы заключенных, не соответствующих необходимым условиям, устройство принудительных работ без содержания под стражей, отпуск крестьян на полевые работы и пр. Однако эти меры не давали должного результата – на протяжении всех 1920-х гг. существовала проблема нехватки рабочих мест, трудности с оплатами работ, отсутствие или недостаточное количество материалов для осуществления трудовой деятельности заключенными. Необходимо отметить, что подобная ситуация была характерной как для всей страны, так и для отдельного региона.

Идея организации обязательного и ни в коем случае не принудительного труда (по заявлениям советских пенитенциаристов) заключенных столкнулась с реальной ситуацией в стране. Труд заключенных и осужденных на принудительные работы без содержания под стражей не мог строго охраняться трудовым законодательством и соответствовать ему, в то время как обычное, несудимое население страны повсеместно сталкивалось с такими же проблемами. На наш взгляд, сама эта идея, воспроизводимая в работах советских ученых-пенитенциаристов, в реальности встречалась лишь в качестве клише в различных докладах о деятельности мест заключения, в то время как организация труда заключенных была сопряжена исключительно (или, по крайней мере, в большей степени) с попытками «нормализовать» деятельность пенитенциарных учреждений.

⁵⁷ Советская Сибирь. 1928. 13 июня.

Однако нельзя не отметить и того, что при рассмотрении мер по реформированию пенитенциарной системы в стране в 1920-е гг. и применению труда как потенциального ресурса для исправления девиантного поведения тех, кто оказывался в местах заключения, можно увидеть, что данная тенденция имела в своей основе позитивный заряд, требовавший постоянного культивирования, развития. Правовая и нормативная основа для реализации подобной тенденции сформировалась и публично обсуждалась в печати и среди тех, кто руководил системой исполнения наказания. Данная альтернатива оказалась нереализованной, поскольку в конце 1920-х гг. произошел поворот в сторону самых жестких и примитивных форм применения труда заключенных, олицетворением которых стало Главное управление лагерей. И тем не менее даже в условиях 1930–1940-х гг. данная машина исполнения наказаний периодически возвращалась к пусть и в ограниченных масштабах, но к формам стимулирования труда осужденных (система зачетов, оплата труда, труд без лишения свободы и т.д.), введенным в практику в 1920-е гг.

Литература

Бердинских В.А., Веремьев В.И. Краткая история ГУЛАГа. М., 2018. 440 с.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей: 1918–1960 [Электронный ресурс] / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 16.04.2022).

Киселев И.Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование: учеб. пособие. М.: НОРМА, 2001. 384 с.

Красильников С.А. Между правом и наказанием: труд в раннесоветском обществе // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1027–1046.

Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (дата обращения: 16.04.2022).

Утевский Б. С. Как советская власть исправляет преступников. М.: Издательство народного комиссариата внутренних дел РСФСР, 1930. 67 с.

Ширвиндт Е., Утевский Б. Советское пенитенциарное право. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. 276 с.

References

Berdinskikh, V.A., Verem'ev, V.I. (2018). *Kratkaya istoriya GULAGa* [The Brief History of GULAG]. Moscow, Lomonosov. 440 p.

Kiselev, I.Ya. (2001). *Trudovoe pravo Rossii. Istoriko-pravovoe issledovanie* [The Russian Labor Law. Historical and Legal Research]. Moscow, Izdatel'stvo NORMA. 384 p.

Krasilnikov, S.A (2017). *Mezhdru pravom i nakazaniem: trud v rannesovetskom obshchestve* [Between Rights and Punishment: Labour in the Early Years of Soviet Society]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 4, pp. 1027–1046.

Shirvindt, E., Utevskiy, B. (1927). *Sovetskoe penitentsiarnoe pravo* [The Soviet Penal Law]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYU RSFSR. 276 p.

Uporov, I.V. (2004). *Penitentsiarnaya politika Rossii v XVIII–XX vv. Istoriko-pravovoy analiz tendentsiy razvitiya* [Russian Penal Policy in XVIII–XX Centuries. Historical and Legal Analysis of Development Trends]. St. Petersburg. Available at: URL: <https://lawbook.online/rossii-prava-gosudarstva-istoriya/penitentsiarnaya-politika-rossii-xviii.html> (date of access 16.04.2022).

Utevskiy, B.S. (1930). *Kak sovetskaya vlast' ispravlyayet prestupnikov* [How Soviet Authorities Correct Criminals]. Moscow, Izdatel'stvo narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR. 67 p.

Yakovlev, A.N. (Ed.). (2000). *GULAG: Glavnoe upravlenie lagerey. 1918–1960* [GULAG: The Main Department of the Camps. 1918–1960]. Comp. by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow, MFD. Available at: URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (date of access 16.04.2022).